

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования : Когнитивный подход. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 312 с.

В книге И. В. Евсеевой обсуждаются теоретические и методические аспекты нового для русской дериватологии когнитивного направления. До недавнего времени словообразование (наука о том, «как делаются слова») находилось на обочине интенсивно развивающейся в лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы. И сегодня, как верно отмечает автор, «вопрос, касающийся отражения концептуальной картины мира через производную лексику языка, ... является крайне малоизученным» (с. 36).

Основной пафос книги состоит в аргументации того, что когнитивный анализ может эффективно использоваться в отношении разных единиц словообразования (производных слов, словообразовательных типов, словообразовательных категорий, словообразовательных гнезд), имеет значительную объяснительную силу и, таким образом, переводит словообразование на более высокую ступень научного познания, делает его наукой не только о том, «как делаются слова», но и «почему (зачем) они делаются».

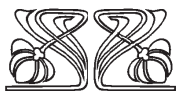
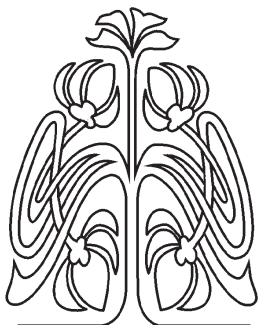
В работе справедливо подчеркивается, что главная методологическая установка когнитивного подхода заключается не в выделении «нового предмета или процедур исследования», а в выдвижении на первый план именно идеи «**объяснения** языковых фактов» (с. 19), в новом ракурсе рассмотрения единиц словообразования, осмысленных как единицы хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания. Заслугой автора является тщательный анализ ранее сформировавшихся направлений дериватологии (синтаксического, ономаσιологического, функционально-семантического), создавших надежную основу для развития когнитивного подхода в этой отрасли лингвистики.

Идея двойкой – ментально-языковой – сущности единиц языка, лежащая в основе когнитивной лингвистики, сама по себе не принадлежит к числу новых, однако в теории и особенно практике исследований в области словообразования она не получила еще достаточного распространения и нуждается в специальном утверждении и подтверждении.

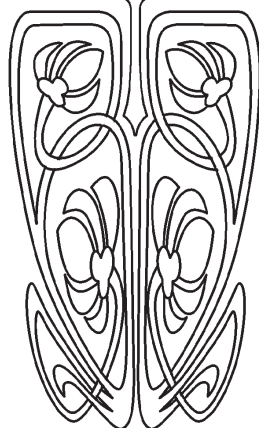
В книге И. В. Евсеевой представлен опыт целостного когнитивного описания деривационных единиц разных типов. Автор выявляет элементы изоморфизма в семантической организации таких единиц, как полисемичное производное слово, словообразовательный тип, словообразовательное гнездо, раскрывает как собственно языковые связи единиц, включенных в разные деривационные подсистемы, так и сходство лежащих в их основе логико-ментальных операций.

Инструментом выявления семантико-когнитивной общности элементов разных деривационных подсистем стала методика позиционно-фреймового анализа, практически реализованная в исследовании на примере словообразовательного типа (СТ) отсубстантивных существительных с суфф. *-ниц(а)*, словообразовательных гнезд с вершинами *рука, корова, капуста*, многозначного деривата *капустник*.

Иллюстрация возможностей применения единого комплекса исследовательских процедур к анализу разноплановых деривационных единиц, безусловно, представляет значительный интерес. Однако следует заметить, что методическое единство в описании таких различных фрагментов словообразовательной системы, как словообразовательные типы и словообразовательные гнезда, хорошо соблюдается при принятом в работе расширительном понимании словообразовательного типа и целенаправленно отобранном из его состава материале. Во-первых, границы СТ максимально расширены за счет предельного обобщения

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

его словообразовательного значения, которое, по существу, совпадает с грамматическим значением предметности (к рассматриваемому СТ с суффикса *-ниц(а)* отнесены все отсубстантивные имена существительные с данным формантом: наименования лиц, предметов, растений, животных и др.). Во-вторых, из состава словообразовательного типа в приведенной его трактовке выделены фрагменты с семантически однородной мотивирующей базой (отсоматические, отзоонимные, отфитонимные дериваты), то есть фрагменты, изоморфные отсоматическим, отзоонимным, отфитонимным словообразовательным гнездам. Таким образом, в сопоставляемых словообразовательных типах и словообразовательных гнездах в исходе оказывается общая семантика, которая многообразно развертывается и модифицируется в процессах словообразовательной деривации.

Семантическое сближение выделенных фрагментов словообразовательного типа с соответствующими словообразовательными гнездами объясняет удобство и целесообразность использования единой пропозиционально-фреймовой методики. Вопрос же о том, насколько результативна единая методика анализа разноструктурных единиц при расширении материала (например, при обращении к целым словообразовательным типам и словообразовательным категориям, имеющим семантически разнородную производящую базу), требует дальнейшего осмысления.

Задача изучения когнитивной сущности таких разных по своему устройству единиц, как словообразовательный тип и словообразовательное гнездо, состоит не только в выявлении общего (что убедительно показано в исследовании И. В. Евсеевой), но и в обнаружении специфического в их когнитивной организации. Наличие такой специфики вытекает из самого факта существования комплексных единиц разного типа, репрезентирующих, по-видимому, различные механизмы концептуализации и категоризации объектов и явлений действительности. Необходима, думается, также и разработка исследовательских подходов и процедур, направленных на выделение этих различий.

Дальнейшей разработки, уточнений требует методика пропозиционального анализа. При общей корректности и убедительности полученных с ее помощью результатов в ряде случаев при построении пропозициональных структур и пропозиций наблюдаются «сбои», обусловленные объективными трудностями применения данной методики, которая не одинаково хорошо «ложится» на разные типы производных слов и не всегда служит инструментом достаточно надежной интерпретации их семантико-когнитивного содержания. Например, большая группа прилагательных с компонентом *рук-* (*рукастый, большерукий, косорукий, рукодельный* и др. – с. 214–215) описывается посредством пропозиции «характеризующий (человека) – рука», что служит, по сути

дела, указанием на общую частеречную семантику однокоренных производных слов, но не раскрывает специфики их словообразовательных и лексических значений; пропозиция «часть одежды – называть – часть одежды», сконструированная для существительных со значением субъективной оценки *рукавчик, рукавец* (с. 214), не проясняет их когнитивной и языковой сущности (их ментальной обусловленности и языковых функций).

Ряд пропозиций в составе проанализированных в работе субфреймов строится на основе предиката *называть*, например: *локотница* ‘щука размером с локоть’ – пропозиция «субъект-животное – называть – локоть», *глазница, ушница, шейница, грудница* и т. д. – пропозиция «заболевание – называть – глаз, ухо, шея, грудь и т. д.» (с. 134). Предикат *называть*, как нам представляется, выступает как метапредикат (предикат 2-го уровня), с помощью которого может быть охарактеризовано любое производное слово, поскольку любое производное слово отсылает к мотиву наименования. Предикат *называть* не следует, на наш взгляд, включать в пропозиции, смысл построения которых состоит не в простой констатации факта производности слова и не в отсылке к мотивирующему слову, а в выявлении глубинной семантики производных слов. Показательно, что в отношении пропозиций с предикатом *называть* в работе постоянно даются специальные пояснения. Вот одно из них, связанное с дериватом *локотница*: «Его значение опирается на предикат ‘называть’, который может быть опущен при толковании слова без ущерба для его понимания: вместо ‘щука, названная по размеру локтя...’ можно сказать ‘щука размером с локоть’» (с. 138). Думается, что правильнее было бы строить пропозицию деривата *локотница* на основе предиката, указывающего на размер («субъект-животное – иметь размер – локоть»), а предикат *называть* рассматривать в качестве организующего метапропозицию «субъект-животное – называть – локоть».

Не всегда оправдывает себя ориентация на словарные дефиниции при построении пропозиций. Например, стремление строго следовать словарной формулировке значения деривата *капустница* приводит, на наш взгляд, к неточной интерпретации пропозиционального содержания этого слова. На основе дефиниции ‘рубка капусты для засолки с приглашением помощниц – родственниц и соседок, раньше обычно сопровождаемая песнями и угощением’ у деривата *капустница* и образующего его форманта *-ниц(а)* определяется процессуальное значение, конструируется пропозиция «процесс – предикат – объект» с предикатом *для засолки (?)* (с. 164). Далее данная пропозиция характеризуется как «нетипичная для тематической группы “растения” СТ “С + -ниц(а)”», поскольку в этом субфрейме нет других дериватов с процессуальным значением (с. 166). По нашему мнению, существительное *капустница* называет не процесс, а событие, о чем свидетельствует при-

веденное выше толкование, репрезентирующее целый фрейм, слотами которого являются «приглашение помощников», «процесс рубки капусты для ее засолки», «пение», «угощение участников события». Существительным *рубка* в дефиниции слова *капустница* выражено содержание предиката – *рубить (для засолки)* – в составе пропозиции основного слота; в целом же дериват *капустница* (ввиду его событийной семантики) следует, по видимому, описывать как полипропозитивную единицу.

Помимо пропозиционального анализа комплексных единиц словообразования, И. В. Евсеевой апробированы и другие приемы их когнитивного описания: построение на основе совокупности дериватов семантического целого – своеобразного текста, представление словообразовательного гнезда в виде вопросно-ответного диалогического единства, количество «реплик» которого зависит от прагматической ценности исходного (вершинного) понятия. Эти приемы хорошо эксплицируют фреймовую организацию комплексных единиц и смысловые связи их компонентов. Так, интерпретация словообразовательного гнезда как вопросно-ответного диалогического единства (в работе с помощью этой методики проанализировано гнездо с вершиной *картофель*) предполагает, что:

«(а) лексемы в его составе можно мыслить как ответы на скрытые типовые вопросы, заданные по поводу ситуации или объекта, – референтов базового слова гнезда;

(б) количество такого рода скрытых вопросов и ответов в них зависит от близости деривата к человеку и его жизнедеятельности: оно прямо пропорционально степени антропоцентричности гнезда;

(в) последовательность имплицитных вопросно-ответных реплик организует имплицитный текст...» (с. 258).

Перспективным представляется нам реализованный в исследовании И. В. Евсеевой выход за пределы литературной подсистемы национального языка на уровень «лингвистического макроконструкта», вбирающего материал разных форм существования национального языка, прежде всего его основных разновидностей – литературного языка и территориальных диалектов. Расширение языкового материала за счет снятия межстратовых перегородок плодотворно для исследований в области словообразования ввиду необлигаторного характера словообразовательных моделей (в отличие, например, от прототипичных моделей формообразования) и, как следствие, неполного воплощения (факультативной лексической реализации) словообразовательного потенциала мотивирующей базы, тем более в пределах такой социально-функциональной разновидности, как литературный язык, деривационная свобода которого в значительной мере ограничена сдерживающим влиянием нормы. Привлечение диалектного

материала дает возможность приобщить к исследованию не только то, что «освящено нормой», но и потенциально возможное, что особенно важно для словообразования, отличающегося большой подвижностью границ между узуальным и окказиональным.

Дискуссионными представляются, однако, предложенные в работе принципы отбора диалектного материала для проведения макроуровневого исследования. Диалектный материал для его «допуска» в макроконструирующее исследование, по мнению автора, должен быть пропущен сквозь сито целого ряда условий, которые кажутся нам излишними, не говоря уже о том, что выполнение некоторых из них требует проведения серьезных самостоятельных исследований (например, определение места конкретного говора, в котором представлен данный дериват, в системе русского национального языка, определение культурной и социальной значимости деривата, определение его частотности – с. 200). Ограничение диалектной выборки не позволяет полноценно решать задачу макроконструирования деривационных подсистем национального языка, смысл которого состоит в воссоздании максимально полной картины деривационного потенциала русского языка в его структурном, семантическом и когнитивном измерениях. Кроме того, учет нерегулярных, низкочастотных (даже единичных) образований может дать ценный материал для выявления затухающих или, напротив, развивающихся деривационных моделей. Впрочем, мысль о ценности периферийных явлений недвусмысленно выражена в работе: «Включение как ядерных, так и периферийных типов в словообразовательную систему русского языка нам кажется принципиально важным, – пишет И. В. Евсеева. – Если в языке есть определенная модель, пусть даже реализованная всего лишь одним словом, ее все равно следует включать в словообразовательную систему. Если СТ находится в системе языка, то он обладает определенной степенью языковой продуктивности и при появлении определенных предпосылок будет пополняться производными лексемами» (с. 122). Эта позиция представляется нам более продуктивной.

Объектом подробного семантико-когнитивного анализа в книге И. В. Евсеевой стали отсоматические, отзоонимные и отфитонимные дериваты (литературные и диалектные), образованные по модели «основа существительного + формант *-ниц(а)*»; выявлены сходства и различия в пропозиционально-семантической организации трех групп одноструктурных производных слов. Например, установлено, что для всех перечисленных групп дериватов с суффиксом *-ниц(а)* (субфреймов, по принятой в работе терминологии) одной из основных пропозициональных структур является структура «субъект – предикат – объект», которая, однако, имеет в каждой из групп своеобразное семантическое наполнение (набор слотов). Ср.: «в

субфрейме “соматические объекты” слоты довольно разнообразны. Производные слова с опорой на разные соматизмы называют людей, которые *лечат, заговаривают, болеют, травмируют, перерезают* что-либо и др., а также животных, именуемых по некоторому соматическому объекту, ср. *локóтница* ‘щука’. Большинство дериватов субфрейма “животные” ... группируются в два основных слота – *ухаживать* (имена людей) и *охотиться* (имена животных). В субфрейме “растения” преобладают слоты *собирать, продавать, любить есть* (названия людей), *поедать* (названия животных)» (с. 174).

Сосредоточившись прежде всего на анализе дериватов с суфф. *-ниц(а)*, автор не оставляет без внимания и производные других словообразовательных моделей, имеющих ту же производящую базу, отмечает специфику пропозиций отсоматических, отзоонимных, отфитонимных дериватов с другими формантами (*-ун, -ник, -ин* и т. д.). Привлечение к анализу разноструктурных дериватов с общей производящей базой и некоторые фоновые сопоставления с дериватами, имеющими иную мотивирующую базу (например, дериватами модели «основа глагола + формант *-тель*»), позволяют сделать важные наблюдения. Одним из них является заключение о сходстве пропозициональных структур у формально и семантически близких типов и о заметных пропозициональных расхождениях между формально и семантически различными СТ (с. 177), что подчеркивает специфику логико-ментальных операций, лежащих в основе различных СТ и их объединений. Другим заслуживающим внимания стал вывод о своеобразном семантическом «рисунке», специфической пропозиционально-семантической организации каждого словообразовательного типа, в том числе и словообразовательных типов со сходной производящей базой, и об отражении в этом особом семантическом рисунке «специфики реализации в данном СТ фрагмента языковой картины мира» (с. 120).

Добавим, что этими теоретическими результатами не исчерпывается намеченный в работе сопоставительный когнитивный анализ словообразовательных типов. Изучение деривационного потенциала тематических и семантических

групп лексики в составе всех наличных в языке СТ имеет важные перспективы для систематизации когнитивных структур, кодируемых средствами словообразования. Подобные исследования позволят моделировать связи денотативных областей в процессах их концептуализации, например, установить перечень денотативных сфер, объекты которых осмыслены носителями данного языка сквозь призму соответствующих понятий (например, выраженных соматизмами, зоонимами, фитонимами и др.). Такое моделирование осуществлено в работе И. В. Евсеевой на материале трех тематических субфреймов дериватов одной словообразовательной модели «основа существительного + *-ниц(а)*». В обобщающей табл. 4 (с. 172) представлен перечень тематических групп, единицы которых мотивированы наименованиями соматических объектов, наименованиями животных и наименованиями растений. В работе намечены также перспективы расширения полученной модели за счет привлечения к анализу дериватов других словообразовательных типов.

Логическим продолжением анализа представленных в книге межденотатных корреляций является и обратный вектор исследования – выявление набора мотивирующих понятий, используемых в процессах концептуализации данной денотативной сферы. О неразработанности проблемы корреляции мотивационных признаков с денотативными областями, о нерешенности вопроса относительно степени актуальности типов мотивационных признаков для определенных денотативных сфер писала уже десять лет назад С. М. Толстая: «Пока что нет даже предварительной “типологии” мотивационных признаков, представления... об их предпочтительном использовании в том или ином семантическом поле в том или ином денотативном пространстве» (Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // РЯНО. 2002. № 1(3). С. 120). С тех пор в этой области мало что изменилось. Работа И. В. Евсеевой вносит вклад в решение обозначенной проблемы и, надеемся, будет способствовать активизации исследований в данном направлении.

О. Ю. Крючкова